

Грошева Ирина Александровна
Филиал АНО ВО «Институт деловой карьеры»
В Тюменской области,
г. Тюмень, Российская Федерация
grosh@nextmail.ru

Грошев Игорь Львович
Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова,
г. Тюмень, Российская Федерация
grosh@nextmail.ru

Фантомы социального взаимодействия в постмодернистской реальности

Аннотация. В статье авторы рассмотрели проблемы современного общества на основе концепции постмодернизма. Классические произведения зарубежных (З. Бауман, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида и др.) и отечественных (Я. И. Гилинский, Ж. Т. Тощенко и др.) авторов, отражающих особенности постмодернистской реальности, составили методологическую основу работы. В ходе сравнительного анализа и логического обобщения были выделены три вида фантомов социального взаимодействия. Результатом аналитической работы авторов стал вывод о том, что «фантом социального взаимодействия третьего порядка» формирует наибольшее количество форм девиантного поведения и представляет угрозу социальной безопасности на различных уровнях управления.

Ключевые слова: постмодернизм; социальное взаимодействие; фантом; общество; личность; нормы; девиантное поведение

Grosheva Irina Aleksandrovna
Branch of ANO VO «Institute of business career»
In the Tyumen region,
Tyumen, Russian Federation
grosh@nextmail.ru

Groshev Igor Lvovich
Tyumen Higher Military Command School of Engineering
named after marshal A. I. Proshlyakova,
Tyumen, Russian Federation
grosh@nextmail.ru

Phantoms of social interaction in post-modern reality

Abstract. In the article, the authors examined the problems of modern society based on the concept of postmodernism. Classical works of foreign (Z. Bauman, J. Baudrillard, J. Derrida and others) and domestic (Y. I. Gilinsky, Zh. T. Toshchenko and others) authors, reflecting the features of postmodern reality, formed the methodological basis of the investigation. In the course of comparative analysis and logical generalization, three types of phantoms of social interaction were identified. The result of the analytical work of the authors was the conclusion that the “phantom of social interaction of the third order” forms the largest number

of forms of deviant behavior and poses a threat to social security at various levels of government.

Keywords: postmodernism; social interaction; phantom; society; personality; norms; deviant behavior

Постмодернистская сущность современного общества выразилась в активном плюрализме, отказе от единой точки зрения, философии неистощимого многообразия культур. В футуристической перспективе – это общество, где признается разница эпох, стиля, мысли, где отсутствует обязательный нарратив, а к каждой культурной (этнической, конфессиональной и др.) группе применяется их собственная мера. Постмодернистская реальность – это ожидаемый ответ на существовавшее в течение длительного времени давление тоталитарного режима с его множеством запретов на индивидуальность и многообразие.

С одной стороны, следует признать, что создание толерантного, свободного общества необходимо. С другой стороны, возникает вопрос о границах норм, точнее о различении норм и отклонений (девиантности), поскольку среди специфических явлений и процессов все чаще возникают фантомные: политические партии, политические лидеры, правовые отношения и др [Тощенко, 2015]. Вопрос не праздный, так как в одном социальном пространстве могут существовать люди, фактически находящиеся в различных темпомирах со своими представлениями о нормах морали: сторонники современного искусства и «истинные правоверные», космополиты и «урапатриоты», либералы и консерваторы и др. [Гишинский, 2016]. Сформировалась небывалая эклектика, позволяющая услышать из одних и тех же уст славословие в адрес Иисуса Христа, И. Сталина и царя Николая II. Исчезла граница «приемлемо-неприемлемо» между некоторыми видами деятельности и оценкой их результатов (достаточно привести различие Modern Art и порнографии). Например, запрещенная ранее проституция совершенно свободно переместилась в Интернет и превратилась в бизнес посредством оказания вполне разрешенных эскорт услуг. Обнаружилось стремление к созданию различных глобальных проектов, точные сроки завершения которых в ближайшей перспективе невозможно предугадать, что по меткому сравнению Ж. Деррида равносильно желанию достроить «Вавилонскую башню», выступающую у философа символом недостижимости структурного порядка [Деррида, 2002]. Кризис наказания привел Ж.-Ф. Лиотара и М. Фуко к выводу о бесполезности социального контроля над девиантным поведением в обществе постмодерна [Лиотар, 1998: 134–135; Фуко, 1999: 447–448]., поскольку невозможно контролировать то, что является фантомом, т.е. образом нормы. В связи с вышеизложенным, представляет научный интерес рассмотрение влияния фантомов социального взаимодействия на социальную безопасность в постмодернистской перспективе.

П. А. Сорокин предвидел негативное воздействие постмодерна на социальные нормы, которые в чувственной правовой системе теряют регулирующую функция в

роли важнейшего фактора общественного развития. Для современной ментальности характерны преимущественно утилитарная и гедонистическая направленности. Польза, рассматриваемая в чувственном аспекте, является основной чертой нравственного сознания. Наш мозг насквозь пронизывает чувство наслаждения, которое каждый день начинается с рекламы. Тем самым навязывается требование, чтобы все, начиная от проповеди, лекций и, заканчивая казнью или убийством, доставляло удовольствие. Иначе то, что не содержит в себе обещания наслаждения обречено на неудачу. Как следствие – стремление все превратить в приносящий прибыль бизнес. Будь то регулярно повторяющиеся скандалы в шоу-бизнесе, похищение людей, громкие судебные процессы – это превращение репутации в деньги. Современными лидерами мнения становятся удачливые финансисты, которые демонстрируют, как за деньги можно купить все: от красоты, научных степеней до святости. Далее П. А. Сорокин выделяет «моральный атомизм, релятивизм и нигилизм» [Сорокин, 2006: 534–536]., когда индивиды лицемерят, пытаются защитить свое существование или оправдать свое посягательство на чужое, обращаясь к «общественному мнению», «чувству справедливости» и др. Девальвируются ценности исторического прошлого, создавая моральную анархию, где каждый считает, что в создавшихся условиях он может сам себе выступить нравственным законодателем. Сила является единственным способом самозащиты и каждый (от индивида до страны), кто может применить её безнаказанно, использует свой шанс. Отсюда происходит рост мировых и локальных войн [Сорокин, 1994: 170]. Появляется новая форма власти, которая, по мнению З. Баумана, основывается на институте неуверенности, использует дерегулирование в качестве основного рычага [Бауман, 2002: 27–28]. Категории «личное» и «общественное» позиционируются человеком в разных мирах, которые не связаны друг с другом. «Новый мировой порядок» был назван глобализацией, явившейся «реваншем кочевников», имеющей подлинно революционный эффект, выразившийся в обесценивании порядка как такового [Бауман, 2002: 44].

Многие виды социального взаимодействия продолжают носить принудительный характер, выражающийся в необходимости следования общечеловеческим и групповым нормам и правилам поведения, вследствие чего возникает эффект фантомного самовосприятия, выражающегося в отделении собственного «Я» от результата социального взаимодействия. Социальные фантомы в обществе – это непреодолимое несоответствие механизмов адаптации человека к темпам изменения социокультурных, политических, экономических и прочих условий его существования [Васильева, 2009: 121].

Фантом социального взаимодействия возможно обнаружить в следующих ситуациях:

– неприятие индивидом социального статуса и соответствующей социальной роли;

- вызывающее асоциальное (нарочито показное) поведение, разрушающее шаблоны стандартных норм и ценностей;
- внутренний конфликт, блокирующий рациональное мышление и способность к критическому анализу;
- суицидальные наклонности, действия протестного характера;
- отождествление себя с другим персонажем (как правило – киногероем) и др.

Фундаментальным признаком «фантома первого порядка» выступает утрата идентичности, хаотичная смена образов, заимствование из внешней среды неких эталонов с крайними взглядами, позициями, суждениями и идеями, опосредующее вызов социальному окружению. Жажда богатства, тщеславие, необузданные амбиции, патологическое стремление к власти и славе чаще всего присутствуют среди фантомных личностей [Тощенко, 2015: 66–68]. Напряжение, возникающее в этом процессе сопротивления социальному давлению, становится понятной и логически структурированной проблемой личности. По этой причине такая модель социального взаимодействия становится привлекательной и приемлемой в статичном и динамичном исполнении.

«Фантом второго порядка» иллюстрирует вероятность такой формы поведения, которая является противоположной «фантому первого порядка» и тем самым, становится ближе к стандартам и нормам, признаваемым большинством социально-значимыми и унифицированными. Необходимо использовать стремление индивида к кардинальным переменам, создавая условия, в которых данная смена поведения является объективно обусловленной и целесообразной.

Малая социальная группа воспринимается индивидом в контексте фантомного соответствия, которое выражается в трех возможных вариантах: а) идентичность (аналогичное мировоззрение и мировосприятие); б) толерантность (равное отношение к носителям различных взглядов и идей); в) взаимодополнение (формирование своеобразной самодостаточной системы социальных отношений, раскрывающей возможности внутреннего потенциала человека).

Во всех трех вариантах социальная группа формирует среду, культивирующую девиантные формы поведения. При этом следует понимать, что естественное внутреннее состояние конфликта индивида не исчезает, а мутирует, на время приобретая причудливую форму гипертрофированных целей и задач, мнимую свободу и виртуальную поддержку. Однако с течением времени эффект фантома возвращается в сознание человека, вынуждая его совершать следующий решительный шаг в социальном взаимодействии. Таким образом, в описанном механизме попытки силового воздействия на сознание индивида, с целью его «обращения в общепринятую социальную доктрину», скорее оказывают обратный эффект, т.е. укрепляют человека в важности и целесообразности фантомного аспекта в социальных взаимодействиях (Табл.1).

Таблица 1. Фантомный аспект социального взаимодействия

Признаки социального взаимодействия	Сущность признака	Логика девиантного поведения	Возможные контрмеры
Предметность	Всегда имеет цель или причину, которые являются внешними по отношению к взаимодействующим группам или людям.	Осознанное разрушение общепринятых стандартов с целью демонстрации уникальности субъекта.	Предоставление условий для самовыражения.
Внешнее выражение	Доступно для наблюдения; этот признак обусловлен тем, что взаимодействие всегда предполагает обмен символами, знаками, которые расшифровываются противоположной стороной.	Формирование внешнего – яркого, броского образа, скрывающего истинную структуру личности.	Озвучивание альтернативной возможности самореализации и самовыражения («фантом второго порядка»).
Ситуативность	Обычно привязано к какой-то конкретной ситуации, к условиям протекания.	Склонность к смене поведенческой парадигмы в ответ на изменяющиеся условия.	Ускорение социального прогресса.
Целесообразность	Выражает субъективные намерения участников.	Форма репрезентативного отчуждения от социальной реальности (социального бытия).	Предоставление возможности для контролируемой самоизоляции.

«Фантом третьего порядка» – это подмена смыслов социального взаимодействия. Если первые два фантомных состояния касаются изменений на личностном уровне, то «фантом третьего порядка» таит в себе угрозу социальной безопасности для общества. Взаимодействие – это коммуникация, под которой следует понимать не только прямой обмен информацией, но и косвенный обмен смыслами. В эпоху информационного прогресса и использования информации во вред человечеству, демонстрация непрерывного ряда смыслов (выражаемых фантомным поведением) выступает своеобразным предохранителем – блокиратором негативного информационного вброса, что позволяет, в свою очередь, позиционировать методичку фантомных действий как средство самозащиты от внешних социальных угроз.

Ни у кого не возникнет возражений по поводу того, что постмодернизм дает право на свободу. Отказ от четких правил и критериев оценки должен обеспечить мирное сосуществование различных систем ценностей. Однако мечтать о свободе, пользоваться свободой и жить в условиях реальной свободы (что значительно сложнее по сравнению с мечтой) – это различные состояния взаимодействия [Левада, 2006: 9]. Смысл свободы приобретает характер фантома. Доминирующую индивидуализацию З. Бауман сравнил с мухой, плавающей в сладкой подливке, поскольку «свобода появляется тогда, когда она уже ничего не значит» [Бауман, 2002: 60]. Взаимодействие

в обществе симулируется (в терминах Ж. Бодрийяра), поскольку референдумы, тестирование, зондирование «молчаливого большинства» выступают в качестве механизмов симуляции, а не репрезентации [Бодрийяр, 2000]. Реально обрести свободу, но невозможно создать нормы в пространстве без границ. Создание гиперреальности (мир как огромный Диснейленд) порождает фантомное ощущение свободы как безнаказанности, где симуляция добродетели важна также как симуляция преступления. В то же время если некто симулирует преступление, наказание он получит реальное. Но не за симуляцию, а, в лучшем случае, за нарушение общественных норм. Очевидно, что мы постигаем значимость порядка, способного видеть только реальное, потому что в иной среде он не будет функционировать [Бодрийяр, 2013].

Современное состояние цифрового постмодерна – это рефлексия, направленная на выявление баланса между его конструктивными и деструктивными составляющими. Цифровизация предлагает личности реализовать свой потенциал фантомных взаимодействий в различных направлениях: «умные сети», «умное производство», облачные технологии, интернет вещей и др. Появилась реальность отношений, спрятавшаяся за таким словами-неологизмами как «лайкинг», «фрейлинг», «фоллоуинг», «троллинг», «транссерфинг» и др. Возникает «компьютерное отчуждение», виртуальная реальность, которая вытесняет из сознания людей социальную действительность, превращая человека в объект манипулирования [Ирхин, 2005: 148]. Люди, пребывая в фантомной свободе, теряют ощущение реальности и границ дозволенного. В результате в сети Интернет появляются видеотрансляции издевательств над людьми и животными, убийств онлайн. Фактически симулируется гиперреальность Диснейленда, где каждый подобный видеоролик можно расценивать как явку с повинной.

Манипуляции в виртуальном мире способствовали изменению смысла понятия «социальная инженерия» с позитивного на негативный. С точки зрения социологии управления и конструирования бытия человека, социальная инженерия – это техническая деятельность по совершенствованию организации труда работников [Гастев, 1972]. или особая деятельность по целенаправленному формированию и регулированию человеческого поведения в различных организационных структурах с целью извлечения прибыли и повышения производительности труда [Резник, 2016: 20]. В условиях цифровизации социальная инженерия оказалась в сфере киберпреступности, где определяется как совокупность приемов и техник, при помощи которых злоумышленники получают нужную информацию или побуждают жертву к совершению определенных действий. Это целый комплекс девиаций, включающий создание фальшивых сайтов, вредоносных программ, фишинг-сообщений и др [Митник, Саймон, 2004].

В системе управления самое распространенное действие власти – это создание реальности фантомного взаимодействия. При этом инициируются различные

дискурсы: трансформации, кризиса, цифровизации и др. Цель – убедить население принять желаемое за действительное. Побочный эффект гиперреальности – страх. Чтобы избавиться от негативных эмоций субъекты управления ищут «крючки», на которые можно временно повесить свои страхи [Бауман, 2002: 134]., среди которых наиболее распространенными стали социальные – потеря статуса, имиджа, работы и др. Появилась совокупность девиантных стратегий поиска «крючков» с целью минимизации страхов: полуправда, обман, манипуляции, что таит в себе угрозу социальной безопасности в целом. Участники взаимодействия в системе управления находятся в эпицентре информационного обмена, что способствует продвижению фантомных целей и задач, скрывающих истинные цели и намерения, формирующих определенные позиции и набор социальных действий. Например, для сокрытия негативных результатов социальной политики применяются манипуляции со статистическими данными, характеризующими человеческий потенциал, особенно в таких областях, как здравоохранение, рынок труда и заработной платы. Не вызывает возражения утверждение, что достоверная статистика является основой для принятия правильных и своевременных управленческих решений. Ориентация на ложные данные делает невозможной эффективную борьбу с массовыми заболеваниями, поскольку на бумаге проблема уже решена [Рувинский, 2018]. По мнению профессора Н. Зубаревич, выступившей в рамках проекта Школы экономического анализа в мае 2020 г., если бы уровень бедности в России измеряли по европейским критериям (60 % от медианной зарплаты), то за чертой бедности оказалось бы около 30 % населения. Относительно стабильное положение дел в нашей стране – это фантом, т.е. искусство статистики, а не системы управления [Тарханова, 2020]. Основная проблема заключается в том, что страх невозможности представить требуемые контрольные показатели предписывает к обнародованию «ожидаемых» результатов даже в том случае, если они не в полной мере соответствуют реальным. Своеобразной платой за страх управленцев выступает коррупция, которая способствует выводу из бюджета страны огромных средств. Например, по оценкам руководителя Счетной палаты РФ А. Кудрина за 2019 год было выявлено нарушений на сумму около 804 млрд руб. (в 2017 г. – 547,2 млрд руб., в 2018 г. – 426,1 млрд руб.) [Коррупция в России, 2020]. В результате подмена смысла социальных действий и взаимодействий снижает уровень доверия к субъектам на различных уровнях управления, что подрывает основы социальной безопасности.

В условиях фантомного социального взаимодействия социальная безопасность формируется по трем направлениям: 1) как устранение реальных и потенциальных угроз социальной системе (часто угрозы диагностируются только в отношении власти); 2) как формирование механизма саморегулирования, в который интегрированы независимые инструменты социальной коррекции (например, коллективное сознание, инстинкты самосохранения и т.п.); 3) генерация искусственных угроз, как способ

отвлечения от реальной социальной опасности. Парадоксально, но формирование искусственного врага способствует внутренней интеграции населения.

Проанализируем данную классификацию применительно к эффективности социального управления (Табл. 2).

Таблица 2. Эффективность социального управления при реализации стратегии социальной безопасности

Основания	Задачи элементов системы			Эффективность социального взаимодействия	
	Управляющая подсистема	Управляемая подсистема	Форма взаимодействия подсистем	Позитивные аспекты	Негативные аспекты
Устранение реальных и потенциальных угроз	Разумное сочетание стратегии и тактики социального управления.	Активизация социального прогресса.	Кооперация.	Оптимизация ресурсов, реализация научной организации труда.	Ослабление позиций на международном политическом пространстве.
Формирование механизма саморегуляции	Нивелирование барьеров социального развития.	Формирование институтов гражданского общества.	Конкуренция.	Консолидация общества на основе совместного действия.	Нивелирование роли и значения власти, утрата центра координации.
Генерация искусственных угроз	Публичная презентация мнимых угроз для отвлечения внимания населения.	Осознание беспомощности и апеллирование к власти, как гаранту стабильности.	Конфликт.	Поддержание социума на необходимом уровне готовности к мобилизации.	Нерешаемые базовые проблемы не позволяют достигать запланированных целей и задач в стратегическом социальном развитии.

Фантомный аспект в социальном взаимодействии возрастает в количественном и качественном измерениях в ситуациях формирования искусственной реальности: от минимума при устранение реальных и потенциальных угроз социальной системе, до максимума при генерации искусственных угроз (при чрезмерном злоупотреблении вероятностью фантомности социального взаимодействия второго порядка сокращается).

Обобщая теоретический материал, целесообразно сделать следующие выводы.

1) в Российской Федерации активно используется третий подход к управлению социальным взаимодействием, что способствует значимому росту фантомного поведения (коррупция, социальная дезадаптация, социальная апатия и пессимизм, эмиграция населения и др.);

2) нежелание управляющей системы решать реальные, жизненно важные социальные проблемы не позволяет достигнуть стратегические цели и задачи социального развития;

3) фантом социального взаимодействия целенаправленно культивируется и облекается в формат стандартов социума, что непременно приводит к разрушению основ социального развития.

Библиографический список

Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.

Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib.com: [веб-сайт]. URL: https://royallib.com/read/bodriyar_gan/v_teni_molchalivogo_bolshinstva_ili_konets_sotsialnogo.html#20480 (дата обращения: 10.05.2020).

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Перевод О. А. Печенкина. Тула, 2013 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib.com: [веб-сайт]. URL: https://royallib.com/read/bodriyar/simulyakri_i_simulyatsiya.html#0 (дата обращения: 10.05.2020).

Васильева Л. Н. Элита и эрзац-элита: социальные фантомы в политике и экономике // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 1. С. 112–127.

Гастев А. К. Как надо работать. Москва: Экономика, 1972 [Электронный ресурс] // Библиотека русской и советской классики: [веб-сайт]. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/gastev-kak-nado-rabotat/gastev-kak-nado-rabotat.html>. дата обращения: 10.05.2020).

Гилинский Я. И. Девиантность и социальный контроль в обществе постмодерна // «Современная девиантология: методология, теория, практика» / ред. Ю. А. Клейберг, Kwami S. Dartey. London: UK Academy of Education, 2016. С. 35–61.

Деррида Ж. Вокруг вавилонских башен [пер. с франц.]. СПб.: Академический проект, 2002. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Гумер: [веб-сайт]. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Derr/vokr_vav.php (дата обращения: 10.04.2020).

Ирхин Ю. В. Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ // Полития. 2005. № 4. С. 136–160.

Коррупция в России – её масштабы и как с ней борется власть. [Электронный ресурс] // Сетевое интернет-издание «Банки Сегодня»: [веб-сайт]. 21.02.2020. URL: <https://bankstoday.net/last-articles/korruptsiya-v-rossii-eyo-masshtaby-i-kak-s-nej-boretsya-vlast> (дата обращения: 20.05.2020).

Левада Ю. А. Предисловие // З. Бауман. Свобода. М.: Новое издательство, 2006. С. 3–10.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Перевод с французского Н. А. Шматко. Санкт-Петербург: Изд-во «АЛТЕЙЯ», 1998. 158 с.

Митник К., Саймон В. Искусство обмана. Компания АйТи, 2004. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Booksafe.Net: [веб-сайт]. URL: https://booksafe.net/read/mitnik_kevin-iskusstvo_obmana-187862.html#p43 (дата обращения: 15.05.2020).

Резник Ю. М. Конструирование бытия человека: от социальной инженерии к гуманитарным технологиям проектирования // Народное образование. 2016. № 4–5. С. 17–29.

Рувинский В. Чем болеет медицинская статистика. [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Ведомости»: [веб-сайт]. 04.09.2018. URL:

<https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/04/09/756300-chem-boleet-statistika> (дата обращения: 15.05.2020).

Сорокин П. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии. М.: Наука, 1994. 560 с.

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ, вст. статья и комментарии В. В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

Тарханова Е. «Ужас кризиса-2020 в том, что кирпичом по голове получили самые модернизированные города» [Электронный ресурс] // Деловой Квартал.: [веб-сайт]. 26.05.2020. URL: <https://finance.rambler.ru/other/44240370-uzhas-krizisa-2020-v-tom-chto-kirpichom-po-golove-poluchili-samy-modernizirovannye-goroda/> (дата обращения: 15.05.2020).

Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Перевод с французского Владимира Наумова под редакцией Ирины Борисовой. М.: Издательство «Ad Marginem», 1999. 480 с.